

КАПИТАНЫ
РУССКОЙ
ФАНТАСТИКИ

СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ

18+

СТРАННЫЙ МИР

ИСТОРИИ О НЕБЫВАЛОМ

НОВОЕ, НЕИЗДАННОЕ И ИЗБРАННОЕ

Святослав Владимирович Логинов
Странный мир.
Истории о небывалом
Серия «Капитаны русской фантастики»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70312756

ISBN 978-5-222-42054-6

Аннотация

Мир, переживший апокалипсис, разделился на тысячи крошечных анклавов, между которыми пролегают смертоносные мертвые зоны. Лишь таинственные «ходыки» остаются последним связующим звеном человечества...

Самый обычный житель Санкт-Петербурга каждое утро начинает жизнь заново, вот только положенный ему лимит воскрешений из мертвых он уже исчерпал...

Болотистая Прорва разделила селения мужчин и женщин, и только раз в году смельчаки, рискуя жизнью, пытаются попасть на другой берег...

Одна прививка специальной вакциной – и нарушители закона становятся неспособными на малейшую агрессию. Вот только теперь им противостоит безжалостное общество...

В новый авторский сборник «Странный мир» признанного классика отечественной фантастики Святослава Логинова вошли преимущественно рассказы и повести, ранее не издававшиеся,

а также несколько «редкостей» разных лет. Причудливые, искаженные, пугающие миры, в которых возможно самое невероятное, а сохранить в себе человечность, пройдя через немыслимые испытания, куда сложнее, чем просто выжить, – вот центральная тема сборника, который будет интересен как любителям фантастики, так и ценителям литературы ужасов.

Содержание

Истории о небывалом	7
Мост над Прорвой	9
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Святослав Логинов
Странный мир.
Истории о небывалом

Истории о небывалом

Фэнтези по умолчанию должно отличаться оригинальностью сюжета. К сожалению, на деле это не так. Многочисленные авторы фэнтези раз за разом повторяют одни и те же унылые сюжеты. Магические академии, однообразные зомби, драконы, придворные маги, попаданцы в магические миры и т. д. и т. п. Что касается меня, то я стараюсь придумать нечто небывалое. Особенно радует меня, когда какой-нибудь горе-читатель, ознакомившись с текстом, заявляет: «Этого не может быть!» Дурашке невдомек, что он делает мне комплимент. Фэнтези по определению – то, чего не может быть.

В сборник «Странный мир» входят рассказы, короткие повести и миниатюры в жанре фэнтези, действие которых происходит в небывалом антураже. Казалось бы, это наш мир, но искаженный, в котором действует нечто небывалое, что не встречается не только в жизни, но и в привычном фэнтези. Дарид, герой одноименной повести, наполовину человек, наполовину береза; в рассказе «Воскресенье» описывается невозможная фантазмагория, с которой приходится мириться людям. А уж история простого симпатичного парня, который родился людоедом... все это вызывает чувство резкого неприятия у любителей стандартных текстов.

Фэнтези действует в странном мире, где все эти невозможные вещи просты и естественны. Я считаю большой уда-

чей, когда удастся написать такое.

Мост над Прорвой

– Ух ты, – заворуженно произнес Нарти. – Я и не знал, что здесь такое бывает.

Клах ничего не ответил, продолжая мерно шагать, подозрительно поглядывая на приближающийся холм.

– Костер разведем, – вслух мечтал Нарти, – обсушимся, согреемся по-человечески, горячего поедим...

– Обогреться ты и здесь можешь, – подал голос Клах. – Всякая пакость тоже на холм тянется, таких, как ты, поджидает.

Нарти не возразил, хотя какая пакость может водиться в Прорве? Кроме моховых тараканов, здесь никто не выживет.

Поднялись на сухое. Деревья на холме стояли огромные, вдвое против тех, что в родных лесах.

– На той стороне, за ветром, – бормотал Нарти скорее самому себе, чем напарнику, – костерочек...

– Кх-х... – охотничьим шепотом прервал горячечные мечты Клах, и Нарти замер, не смея даже моргнуть. Не та вещь охотничий язык, чтобы в бездельную минуту перебрасываться на нем незначущими фразами.

Клах опустился на колени, прижал ухо к плотной, усыпанной опавшей хвоей земле.

– Слышишь?

– Э... – выдохнул Нарти знак несогласия.

– Гулко...

– Плотная земля всегда гулкая.

– Это не земля. Уходим. Только тихо.

Видно было, что Нарти не хочется покидать уютное место, но возражать старшему он не смел. Лишь когда холм, такой с виду удобный и подходящий для ночевки, остался далеко позади, Нарти спросил:

– Что там было? Я ничего особого не увидел.

– И не увидишь. Оно внутри. Что – не спрашивай, сам не знаю, но скоро этот нарыв прорвется, и оно наружу вылезет.

– Так может, еще не сейчас?

– Ты за это дело не беспокойся. Само по себе оно, может, еще погодит, а как развели бы мы костер, тут бы оно от жара и дошло. А без костра какой толк на ветру сидеть?

– А!..

– То-то и оно. Ты такие вещи примечай. Я свое отходил, а тебе на будущий год по этим местам молодых водить.

– Я вот думаю: а если мужчины на этом холме на ночевку остановятся?

– Не остановятся. Они ходом пойдут. За один день всю Прорву. Сам, что ли, не знаешь?

Клах остановился на ровном месте, подальше от кочкарника и возможных ямин, вытащил охотничий нож и, вонзив его по самую рукоять, с натугой повел, вспарывая моховину. Нарти принялся помогать, и вскоре толстый пласт был выворочен и загнут белыми корневищами вверх. В яму медленно

натекала желтая вода.

По углам и по центру поставили стойки, сверху наложили лаги. Все это добро Нарти тащил на спине. Вес немалый, но без него на Прорве никак. Нарти улегся на спину, прямо в воду, выставил руки, готовясь принять тяжесть. Клах как можно осторожнее опустил поднятый пласт на прежнее место. Совсем ровно моховина не легла, получился бугор, но, если со стороны смотреть, не очень и заметно. Клах притоптал моховину с краев и пролез в укывище сквозь оставшееся отверстие.

Воды натекло в самый раз, чтобы накрыть лежащие тела. Мешки пристроили у выхода, где было посуше. Нарти уже достал голову, обмакнул ее в воду, и голова тут же засветилась неживым голубоватым светом. Клах вытащил хлеб и тонкие полоски вяленого мяса, которые тоже тащил Нарти.

– Ешь.

– Мне не хочется.

– Все равно ешь. Это в тебе мужская дурь бунтует. Мужчины, когда через Прорву бегут, не едят ничего. А нам – надо. Меня так с души воротит, глаза бы на этот хлеб не смотрели. Но ведь ем. Иначе не дойдем: сам видишь, какая дорога.

– Я что хочу спросить, – проговорил Нарти, старательно разжевывая жесткие волокна мяса, – вот ты говоришь, мужчины Прорву за день перейдут. И все это знают, даже малыши. А я теперь думаю – сказки это. Мы уже два дня идем, а

Прорве конца-краю не видать.

– Видать. Завтра дойдем.

– Три дня, а им надо за один. Пусть даже они налегке побегут, все равно половина не добежит.

– И что? Лучшие добегут. А что много людей гибнет, так еще никто не отказывался бежать через Прорву. На тот край можно ведь и окольной тропой добраться. На юге есть безопасные проходы, но там люди не ходят. Прежде, говорят, там стада гоняли, а теперь и этого нет. Конечно, некоторые гона не выдержат, но по большому счету, если бежать через Прорву, крови получается меньше. Пусть лучше слабые во время гона погибнут, чем их свои убьют.

– Не понимаю! Зачем кого-то убивать?

– Ты еще молодой. А потом увидишь, что во время гона делается, и поймешь. А если я тебе сейчас все расскажу, ты не поверишь. Просто не сможешь поверить, как бы ни старался. Вот скажи, ты помнишь свое детство?

Лицо Нарти скривилось.

– Немножко помню, – прошептал он. – Маму помню. Чашку молока... оно такое белое, а какое на вкус – не вспомнить.

– А как тебя выгнали и за что – помнишь?

– Н-не помню... – губы у Нарти тряслись, казалось, молодой охотник сейчас заплачет. – Наверное, я самый плохой.

– Оставь... Этак каждый будет самым плохим. О таких вещах не принято разговаривать просто потому, что почти

никто не помнит своего детства. Вспоминается кое-что по мелочам. А я так и вовсе ничего не помню.

– Тебя разве тоже выгнали?

– Тоже, Нарти, тоже. И всех остальных. Молодые парни об этом не говорят, но все мы оттуда, с того края Прорвы. Это общая боль живущих в селении.

– А теперь мы идем просить прощения за всех, чтобы нас назад приняли? А они захотят? У них же там хорошие остались, зачем им еще плохие?

– Тут не все так просто. Но совсем все я тебе потом расскажу, когда назад пойдем. Я и сейчас с тобой говорю только потому, что Агик и Вал погибли, нас всего двое осталось. А на будущий год ты пойдешь через Прорву разом с тремя новичками. Старшим пойдешь, хотя тебе еще самому бы пару лет поучиться. А ты за все будешь отвечать. И главное, чтобы люди друг друга бить не стали. Мы же тут собрались самые плохие, у нас это просто, а человеческая кровь зря проливаться не должна.

Нарти слушал и ничего не понимал. Он знал, что каждый год из селения в Прорву уходят мужчины. Мужчина – это не обычный человек. Звание это дается самым сильным земледельцам, самым ловким охотникам, самым неутомимым пастухам. Никто из ушедших не возвращался назад, и что с ними случилось, знали только проводники. Проводников в селении должно быть четверо. Они ходили в Прорву разведать дорогу, потому что старые тропы редко бывают доступны два

года подряд. Потом старший из проводников уводил мужчин и тоже больше не возвращался. А на следующий год среди молодых парней выбирался новый проводник.

В этом году жребий пал на Нарти. Первый раз он вышел в Прорву, как и полагается, вместе с тремя старшими товарищами. Главным был Клах, которому через неделю предстояло уводить мужчин, затем Агик, ходивший по Прорве уже два года, и Вал, бывший новичком год назад. Но на второй день их похода случилась беда. Агик провалился в липкую промоину, и Вал полез ему помогать, хотя делать этого не следовало. А в промоине оказалось гнездо моховых тараканов. Сама по себе промоина для бывалого человека неопасна: если провалился, пусть даже и с головой, не суетись и выползай медленно и аккуратно. Резких движений промоина не любит и затягивает вглубь. Моховые тараканы тоже не страшны тому, кто может от них убежать. Тут все решает скорость ног. А вот попавшего в промоину тараканы съедят, прежде чем он успеет освободиться из липкой ямы.

Вал ничем не помог товарищу и погиб зря. Клах волочил упирающегося Нарти, а тот рвался к промоине, где бились облепленные насекомыми Вал и Агик. Охотничий закон требовал спасти напарника пусть даже ценой своей жизни. Но здесь не лес, это Прорва, простые человеческие законы тут не действуют.

Дальше они шли вдвоем, и Клах не уставал внушать Нарти, что скоро он останется единственным проводником —

значит, рисковать не имеет права. Он обязан выжить, а на следующий год идти на разведку с тремя новичками и обучить их всему, хотя и сам еще ничего толком не знает.

Вода в норе под толстым слоем моховины была теплой, и воздух тоже теплый и парной. Головеха еще светила, но ничего рассмотреть уже не удавалось. Можно, конечно, оживить головеху, обмакнув в воду еще раз, но слишком часто разжигать ее не следует, от этого она портится.

Под моховиной всегда тепло и даже жарко, мягкая тяжесть наваливается сверху, воздух спертый, насыщенный прелыми запахами. Недаром в селении говорят, что от проводников непременно пахнет гнилью. Дно под моховиной гладкое и податливое – бесконечный слой слежавшегося ила. Сознание плыло, Нарти чувствовал, что стремительно засыпает, хотя можно ли спать, когда старший говорит? Последнее, что коснулось сознания, – фраза, сказанная Клахом:

– Завтра ты должен проснуться сам. Очень важно уметь просыпаться, когда спишь в укывище. Иначе можно уснуть навсегда.

Нарти проснулся оттого, что вспомнил: надо вставать. Драгоценное чувство охотника, не позволяющее проспать ни минуты лишку. В тепле, на мягком ложе, в усыпляющей духоте внутренний голос сказал: «Пора», – и Нарти открыл глаза, взглядываясь во тьму укывища. Протянул руку вперед, та наткнулась на ледяную пробку, намерзшую около выхода.

И впрямь пора: вон какая дура образовалась. Этак из

укривища не вылезти будет, придется моховину поверху распарывать. А значит, на этом месте почти наверняка образуется липкая промоина. Конечно, Прорва большая, но чем меньше в ней промоин, тем спокойней людям.

Нарти напрягся, пытаясь выдавить пробку наружу. Одновременно почувствовал, как напряглось тело лежащего Клаха. Значит, не спал старший, ждал, проснется Нарти или проспит все на свете.

С тихим треском лопнули промерзшие стебельки, в укривище проник ледяной, одуряюще свежий утренний воздух.

Вдвоем проводники отогнули пласт, укрывавший их ночью. Над водой немедленно поднялся столб пара. Нарти увязал стойки и лаги. Подтянули мешки, проверили оружие. В Прорве оружие вроде бы и без надобности, не на мохового же таракана с рогатиной идти, но раз взято оружие – значит, надо.

Утром охотники не едят, с утра есть – только желудок мучить. Сразу взяли хороший темп, благо что по подмерзшей моховине идти легко, ноги не проваливаются. Сейчас нетрудно было бы и пробежаться, но делать этого нельзя. Через Прорву бегут мужчины, а не проводники. Их дело – разведать дорогу, а не гонять без толку, словно бык по весне.

Уходя, Нарти оглянулся. Холм, чуть видный на горизонте, стоял, как и прежде. Получается, можно было бы переночевать на сухом. Хотя старший верно сказал: развели бы костер – тут бы нарыв от огня и лопнул. В таком деле наверня-

ка знать невозможно. Опять же, вон какой кусок за вчерашний день дополнительно отмахали, так что сегодня полегче будет.

Есть у людей правило: никогда не жалеть о том, что не случилось. Иначе рыбак вместо того, чтобы идти на лов, будет вечно сокрушаться о той рыбине, что сорвалась с крючка, а земледелец, увидав потраву, начнет не спасать оставшееся, а рыдать по погубленному. Переночевали в моховом укывище, утро встретили живыми и здоровыми – что еще? Не вздыхай о вчерашнем, думай о сегодняшнем.

Мокрая одежда сразу задубела на морозе, легкий ветерок проскваживал насквозь. Спасало только быстрое движение да тяжесть мешка на спине, под которым сохранялось воспоминание о сонном тепле укывища. Нарти то и дело поглядывал на восток: скоро ли покажется солнце. Тогда станет тепло. Моховина, правда, тоже оттает, но тут уж выбери что-то одно: или холодно, или вязко. Хотя, по сути дела, выбирать нечего: солнце встает, не спросясь путников.

Предутренний ветерок стих, солнышко пригрело Прорву, идущие замедлили шаг. К полудню остановились ненадолго, Нарти развязал мешок, вытащил два пласта сушеного мяса, и дальше они шли, жуя на ходу. Нарти размышлял, сколько времени им еще идти и что может быть в мешке у Клаха. Мешок здоровенный, а за все время ни разу не развязывался. Все, что нужно для путешествия, тащит Нарти. А ведь Агик и Вал тоже волокли немалую ношу. Но что бы ни лежало в

их мешках, оно досталось болотным тараканам.

В следующую секунду Нарти резко остановился, выдохнув по-охотничьи. Ноздрей коснулось сладкое трупное зловоние. Клах, идущий сзади, тоже замер. Неважно, что сигнал опасности подал младший: кто первый учуял, тот и командует.

Нарти сделал осторожный шаг, затем второй. Перед ним, наполовину погрузившись в раздавшийся мох, лежал труп. Мальчишка лет десяти, может быть, двенадцати. Он лежал скорчившись, поджав колени к животу. Рядом не было никакой ноши, вообще ничего. Разложение сильно затронуло умершего, так что выражения лица было не разобрать.

– Что с ним? – Нарти говорил шепотом, словно громкий звук мог нарушить хрупкое равновесие происходящего.

– Он умер, – произнес Клах очевидное.

– Но кто его убил? Моховые тараканы обглодали бы скелет начисто, а других хищников здесь нет.

– Он умер сам. Его выгнали в Прорву, но он не пошел на ту сторону, а лег в мох и умер. Умер от горя.

– Он был плохой?

– Он был такой же, как ты или я. Все мы к определенному возрасту становимся несносными мальчишками, так что матерям не остается ничего, кроме как выгнать нас из дома. Выгнать в Прорву. Некоторые изгои приходят на нашу сторону (ты знаешь, это не так трудно), но часть остается здесь и умирает. Их убивает сознание, что они теперь совсем одни

и никому не нужны.

– А теперь мы идем просить прощения хотя бы для некоторых, которые не самые плохие?

Клах усмехнулся и положил руку на плечо Нарти.

– Идем. Тут уже близко. Лучше ты сам увидишь. А рассказывать... ты все равно не сможешь поверить словам. Ведь недаром те, кто остался жив, почти ничего не помнят о своем детстве и совсем ничего о том, как их выгоняли. А если кто и помнит, то молчит.

Край Прорвы надвигался, обозначая себя лесистыми островками и сплошной стеной кустов. Солнце жарило по-летнему, и не верилось, что утром пал такой мороз, что в укывище образовалась ледяная пробка. Одежда на идущих давно просохла, и даже пот высыхал быстрее, чем выступал.

Потом край Прорвы, к которому они так долго шагали, неожиданно оказался рядом, Клах и Нарти ступили на сухое и, продираясь сквозь кусты, двинулись в гору. Нарти не мог бы сказать, что именно он ожидал увидеть здесь, но уж никак не берег, точно такой же, что и возле селения. Хотя был он такой же, да не такой. Спокойно воспринимать происходящее не давало сознание, что это ТОТ берег, о жизни на котором не сохранилось никакой памяти, кроме тянущей боли в груди. И ведь никого не обвинишь: сам виноват, что был не такой, как надо.

Еще с моховины, когда до берега оставалось полчаса хода, Клах показал приметный изгиб холмов, куда следует выхо-

дить проводникам. Нарти не очень понял – то ли это место, где их будут ждать, то ли там просто разрешено появляться чужакам, но место запомнил, чтобы на будущий год выйти туда, не блуждая лишку.

За полосой кустов начинался склон холма, пологий и совершенно голый, так что пасущееся животное проводники заметили одновременно. Больше всего оно напоминало обыкновенного домашнего быка, но не надо быть ни охотником, ни пастухом, чтобы увидеть отличия.

– Ы!?! – выдохнул Нарти на охотничьем.

– Бык, – Клах говорил негромко, но вполне внятно.

– Какой же это бык? – выговорил Нарти, опустив ухваченную было рогатину.

Бык скотина домашняя, охотники на него не ходят, да и нет в лесах дикого быка. Кладеные быки называются волами. На волах люди пашут и возят всякие тяжести. При нужде волов забивают на мясо, и этим тоже занимаются пастухи, а не охотники. Клах говорил, что в проводники попал из пастухов, так что ему виднее, какие быки бывают, но все одно – странно.

– Что это у него между ног, – спросил Нарти, – там, где ятра должны быть?

– Это вымя, – непонятно ответил Клах. – Дело в том, что это не совсем бык, а бычья мать. Называется – корова.

Вот оно как! Нарти знал, что по весне пастухи пригоняют откуда-то молодняк, но почему-то не думал, что это связано

с путешествием через Прорву. Даже сказанная вчера фраза, что есть обход мимо Прорвы и прежде там гоняли скот, не навела на верную мысль. Правильно сказал Клах: пока сам не увидишь, не поймешь и не поверишь.

Корова была привязана к колу, глубоко вбитому в землю. При виде незнакомых людей она забеспокоилась и попыталась отойти, насколько позволяла веревка.

– Костер разводи, – бросил Клах и принялся наконец развязывать свой мешок.

На самом краю поляны стоял небольшой, срубленный из потемневших бревен балаган. В первую минуту Нарти даже не обратил на него внимания, поскольку точно такое же строение имелось и на своем краю Прорвы. На своем балагане не было даже дверей, но никому в голову не приходило зайти внутрь. Все знали, что там хранятся вещи проводников. Перед походом Нарти первый раз заглянул в запретный дом, но ничего особого там не обнаружил. Несколько больших и малых горшков, мочальная кисть на длинной ручке, еще какие-то мелочи. О назначении всего этого добра он не спрашивал, справедливо полагая, что за три года успеет узнать. Теперь предстояло все узнать за оставшиеся три дня.

В этом балагане тоже были горшки и инструменты. Разве что кисти не нашлось. Зато неподалеку громоздилась куча хвороста, сташенная как специально для будущего костра. Огонь еще не разгорелся как следует, когда Клах позвал:

– Иди сюда и смотри.

На траве были разложены предметы, очевидно потребные для предстоящего действия. Кое-что Клах принес из балагана, часть достал из своего мешка. Корова, устав бояться, спокойно щипала траву.

Клах поднял короткую дубинку со вделанным в конец тяжелым черным камнем. Нарти уже видел такие у пастухов; этими дубинками забивают кастрированных бычков, когда охотники не приносят в селение мяса.

Клах резко взмахнул дубиной, черный камень ударил корову в лоб, чуть ниже подпиленных рогов. Хрустнула кость, ноги коровы подломились, и она ткнулась слюнявой мордой в траву. Ножом, тем самым, которым вспарывал моховину, Клах перерезал корове горло, безошибочно найдя яремную вену. Придерживая еще бьющуюся тушу, поставил глиняную мису, чтобы кровь впустую не лилась на землю.

Нарти стоял замерев. Ему приходилось видеть, как пастухи режут кладеных бычков, так что ничего нового он не обнаружил. Но ведь это был не бык! Это была корова-мать! Среди диких зверей, на которых приходилось охотиться Нарти, встречались самцы и самки. Когда речь шла о самках, всегда добавлялось слово «мать», и ни у кого из охотников на мать рука не поднималась, даже если то была птица, каких в лесу полным-полно.

А это было не просто животное. Корова принадлежала живущим по эту сторону Прорвы, принадлежала матерям, к которым Клах и Нарти шли просить прощения от имени всех

изгнанников.

Ничего не скажешь, они прекрасно начали свою миссию!

– Что стоишь? – крикнул Клах. – Костер горит? Давай сигнальный дым, а потом помогай тушу свежевать!

Сигналы дымом подавать умеет любой охотник, равно как и управляться с тушей заповедного зверя. Простые, знакомые дела малость успокоили Нарти.

Султан дыма рассеялся над лесом, посуда с кровью была поставлена на угли. Нарти накрошил в кровь остатки зачерствевшего хлеба и время от времени помешивал палочкой быстро густеющую жидкость. Клах возился с коровьими потрохами, совершенно не думая, что в первую очередь следовало бы снять шкуру. Если ее не снять сразу, то потом уже как следует не сдерешь, кожа задубеет и будет испорчена.

– Смотри! – позвал Клах напарника. – Видишь эти железки? Так у быка их нет. Запомни хорошенько, на будущий год тебе эту работу выполнять. Понюхай, тогда уж точно ни с чем не перепутаешь...

Запах был сильный и неприятный, чем-то напоминавший трупный. Нарти следил, как Клах отделяет железки от пленок, затем осторожно опускает их в две широкогорлые фляги, в которых, судя по запаху, налита была крепкая медовуха.

– Вот так. За этим запахом наши быки, те, что не кастрированы, побегут хоть через Прорву, хоть куда угодно. Понял теперь? Ты примечай, вторую корову ради тебя никто бить не станет.

Нарти кивнул согласно.

Свежевать большого зверя – занятие долгое и кровавое. Хорошо, что рядом протекал ручей, где можно было и самому сполоснуться, и коровьи потроха помыть. Работали так, чтобы ничто не пропало: целебную желчь собрали в маленькую долбленку, рубец Нарти как следует вымыл и выскоблил на совесть... Рубец хорош на пироги, хотя кому здесь пироги печь? Клах сказал, что по эту сторону Прорвы хлеба не сеют – пахать некому да и не на чем.

Явившихся гостей, а вернее – хозяев первым заметил Нарти. Все-таки он охотник, а Клах был из пастухов, хотя за четыре года бродяжничества многому научился.

Из леса на голый склон вышла еще одна корова – теперь Нарти с полувзгляда определил, что это корова, а не бык и не вол. На спине животного были навьючены большие кожаные мешки. Свои точно так же возили поклажу на волах. А рядом шел... шла... – наверное, все-таки шло человеческое существо. Худая фигура, морщинистое лицо, волосы седые, но такие длинные, что даже у молодых людей встречаются очень редко.

Нарти судорожно глотнул. Вот оно, то, ради чего они шли.
– Здравствуй, мать, – сказал Клах, склонив в поклоне голову.

Старуха окинула проводников цепким взглядом.

– Почему вас всего двое?

– Второй и третий проводники погибли в Прорве, – отве-

тил Клах. – На будущий год вот он, – Клах кивнул в сторону Нарти, – придет сразу с тремя новичками. Будет трудно, но я верю – он справится.

– Как знаете... – старуха недовольно поджала губы. – Со стадом тоже вдвоем управитесь?

– Для этого дела хотелось бы получить помощника.

– Этого добра сколько угодно. Хоть десять штук.

– Один нужен. От десятерых не помощь получится, а только вред.

– Один так один, – согласилась старуха. – К утру будет. Сама отберу, какой с телятами управляться умеет.

Клах повернулся к своему мешку, вытащил увесистый рогожный сверток. В таких рогожах люди хранили муку и немолотое зерно, идущие не на семена, а в еду.

Старая мать распустила тесьму, которой была перетянута рогожа. Внутри действительно оказалась мука. Теперь Нарти стало ясно, почему во время ночевки в укывище, где все залито водой, Клах так заботился, чтобы не подмочить свой мешок.

– Простите, что мало в этом году, – произнес Клах. – Не донесли.

– Я бы удивилась, будь у вас все в порядке, – ворчливо сказала старуха. – Натек-ка и вам гостинца. Не знаю, как и стащите вдвоем.

– Что не стащим, то здесь съедим, – в тон ответил Клах, принимая одну за другой тяжеловесные головки сыра. Уж

сыр-то Нарти сразу узнал. Каждый год по весне, на следующий день после того, как мужчины уходили из селения, старики выдавали тем, кто остался, по ломтику сыра. Ни в какой другой день сыра попробовать не удавалось, и откуда он берется, не знал никто, кроме посвященных. А это, оказывается, гостинец от непреклонных матерей непутевым сыновьям.

– Мать, – сказал Клах, – пообедай с нами. Жарево как раз готово.

– Отведай кровушки от своей коровушки... Эх, племя негодящее, любите вы не свое дарить, чужим угощать. А вот погоди, я вас угощу.

Старуха выбрала среди сташенной к костру посуды здоровенную корчагу и пошла к выючной корове, что преспокойно паслась в стороне от кровавого места. Опустившись возле коровы на колени, старуха ухватила за опухоль, что была у коровы там, где у некладеного быка свисают ятра. Нарти деликатно отвернулся. Это явно материнское ремесло, а на чужую работу можно смотреть, только если тебя приглашают. Охотнику не полагается глядеть, как лепят горшки, огороднику – как скопят быков. Понадобится – его позовут. А зря глазеть нечего.

Слуха касались звуки самые простые: корова меланхолично валяла во рту жвачку, чуть в стороне исходил на песню травяной сверчок, и в тон ему дзенькали, разбиваясь о дно корчаги, струйки чего-то жидкого.

– В заимке среди посуды чашки должны быть, – не обо-

рачиваясь произнесла мать. – Сполосни от пыли да к костру принеси.

Нарти бегом кинулся исполнять приказание. Принес две чашки, поставил на траву.

– Тс-э.. – прошелестел на охотничьем Клах, и Нарти, кляня себя за недогадливость, помчался за третьей.

Подошла старуха, наклонила корчагу, и в мытую чашу полилось густое, белое, белое...

– Чего смотришь? Пей.

Ноздрей коснулся теплый, давно забытый и такой знакомый запах.

– Мама... – прошептал Нарти.

– Что, бедолага, мамку вспомнил? – неожиданно смягчившись, произнесла суровая старуха. – Ты пей, на том берегу небось молочка не дадут. Нельзя вашему брату молоко, ну да раз в год вреда не будет, особенно проводникам. Вы народ особый, на людей похожи, так к вам и отношение особое.

Потом они ели жареную кровь с хлебом. И по тому, как гостья выбирала распаренные корки, можно было видеть, что хлеб для нее в диковину.

Наконец она поднялась, уложила подарки и часть мяса в переметные сумки и угнала свою корову, сказав на прощание, что завтра пригонит стадо и пришлет помощника.

Утром поднялись до света. Прибрались на поляне, перемыли глиняную посуду и убрали в балаган. Клах сказал, что там она будет стоять целый год, до тех пор, пока Нарти не

приведет новых проводников. Остатки мяса, что целую ночь коптились над костром, оставили висеть на перекладинах, себе взяли самую малость, только на обратный путь.

– А это куда? – спросил Нарти, кивнув на остальное.

– Матери заберут, когда мы уйдем. У них охотников нет, а корову так просто резать нельзя. Так что с мясом у них туго.

– Зато у них молоко... – протянул Нарти.

– Да, молока у них много, и сыр они из молока делают. А нам нельзя молоко. От него люди беситься начинают.

– А мы почему пили?

– Мы проводники, – строго сказал Клах. – С нас спрос другой.

За лесом послышалось разноголосое мычание, дробный топот, затем на поляне появилось стадо. Больше сотни молодых бычков и две коровы. Судя по костистым бокам, это были очень старые коровы, да и тех, как сказал Клах, в Прорву не отпустят, уведут домой. Гнали стадо четыре матери, явно из самых пожилых. Молодых не показывали даже проводникам.

На спине одной из коров был приторочен большой рогожный мешок. Когда его стали ворочать, в мешке кто-то забился, закричал сорванным голосом.

Старшая из матерей распустила на горловине конопляную веревку, и на свет появилась встрепанная мальчишеская голова с безумно вытаращенными глазами.

– Каков красавец, а? – сказала старуха. – Вчетвером еле

скрутили. Вы его как – вместе с мешком заберете, или своим ходом пойдет?

– Своим, – протянул Клах. – Поначалу на веревочке, а там, глядишь, впереди нас побежит, не догонишь.

– А работать его сможете заставить?

– Сможем. У нас способ есть, как раз для таких молодцов подходящий.

– Не хочу!.. – просипел мальчишка.

Нарти смотрел, и словно прикипевшая заслонка открылась в голове, позволив вспомнить давно забытое. Как мама говорила еще совсем маленькому Нарти: «Смотри, будешь баловать – придет злой старик с мешком, я тебя ему отдам!» Вот оно и сбылось. Конечно, ни Нарти, ни даже Клах на стариков не слишком похожи, а все остальное, как и было обещано – даже мешок на месте.

Старшие матери передали Клаху две небольшие долбленки, тщательно укупоренные и залитые воском. Одну долбленку Клах упрятал в свой сидор, вторую передал Нарти.

– Береги пуще всего на свете. Это самое главное, за чем мы шли.

Нарти кивнул и накрепко затянул горловину заплечной сумы.

Мальчишке развязали ноги и пинком заставили встать. Конец веревки, на которой ему предстояло бежать первое время, Клах вручил Нарти. Сам вооружился длинным пастушьим кнутом. Повернулся к молча стоящим старухам.

– Что ж, матери, вроде все справили как следует. Через четыре дня ждите гостей.

– Удачи вам, родненькие, – проговорила старшая, и Нарти до самого сердца пробило впервые услышанное из женских уст ласковое слово.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.